

УДК 81`42
ББК 81.2-5

Т. И. Бочарова

**ОСОБЕННОСТИ
НЕПРИНУЖДЁННОЙ
КОММУНИКАЦИИ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ТВОРЧЕСТВЕ
(на материале
произведений
М.П. Арцыбашева)**

Рассматриваются особенности непринужденной речи. В качестве материала для исследования непринужденных высказываний используются рассказы и повести М.П. Арцыбашева.

Ключевые слова: *непринужденная речь, неофициальная обстановка, общение, признаки непринужденной речи, непринужденная речь героев произведений М.П. Арцыбашева.*

Бочарова Татьяна Ивановна – канд. пед. наук, доцент кафедры социологии Липецкого государственного технического университета
Тел.: 8-904-692-39-81
E-mail: karlushik@mail.ru

Непринужденная речь встречается в разных сферах человеческой деятельности и бывает разной – в зависимости от ситуации, адресата, адресанта, целей и задач общения. Устная разговорная форма речи, неофициальное непосредственное общение – важнейшие условия непринужденного общения.

Непринужденная речь – это сложный и многогранный процесс, связанный с эффективным развитием всевозможных способностей личности, важных речемыслительных процессов, которые во многом определяют успешность создания непринужденного высказывания. Несмотря на значимость данного вида речи в повседневном общении, она остается еще не достаточно изученной.

Помимо живой речи, непринужденные высказывания звучат в монологах и диалогах героев художественных произведений. Для того чтобы представить наиболее объективную картину особенностей непринужденной коммуникации, нельзя оставлять без внимания и сферу художественного пространства, в котором названный тип общения в произведениях представлен в психолого-философском освещении многогранной природы человеческой личности.

Предметом нашего исследования является непринужденная речь персонажей произведений М.П. Арцыбашева. Интерпретация непринужденной ситуации в художественном тексте определяется спецификой рассматриваемого понятия. Определим формулировку дефиниции.

Непринужденная речь – это естественная речь, которая произносится свободно, без скованности, обусловленная социальными и/или психологическими факторами, обеспечивающая неформальный уровень межличностного (группового/массового) взаимодействия, предполагающего максимальную открытость и объективность в обсуждении того или иного жизненно важного вопроса.

Непринуждённая коммуникация обладает рядом специфических черт:

- социально-бытовая сфера общения; полуофициальный или неофициальный (дружеский) характер отношений между партнёрами по общению;
- целевая установка на неформальное «расслабленное» общение;
- участники коммуникации находятся, как правило, на паритетных началах, что выражается в дополнениях, оценочных замечаниях и т. п. высказываниях;
- отсутствие напряженности и скованности в использовании языковых средств, преимущественное употребление средств разговорной речи: обилие глагольных форм, местоимений, частиц, междометий, эмоционально-оценочной лексики, простых предложений;
- достаточно свободная форма выражения мысли, нередко сопровождающаяся хезитациями, сбивами, паузированием;
- ссылки на авторитеты, мудрые изречения, использование прецедентных текстов и пр.;
- повышенный регистр эмоциональности речи;
- нескованная пантомимика.

Непринуждённая ситуация интерпретируется через осознание понятия «непринуждённость» (социально-бытовая сфера общения, неофициальность, отсутствие «зажатости» и скованности в использовании языковых средств, в пантомимике и пр.), и, безусловно, в связи с чётким пониманием тематики разговора всеми партнёрами по коммуникации.

Проследим особенности непринужденного общения на материале произведений М.П. Арцыбашева.

Художественный мир М.П. Арцыбашева болезненно трагичен. Казалось, сама жизнь наложила свой меланхолический отпечаток на все творчество талантливого художника. Неудачная попытка самоубийства, произошедшая с ним в юности, позволила у роковой черты переосмыслить свою недолгую жизнь и сделать правильные выводы – в пользу жизни. Но эта жизнь по-прежнему поддерживала хрупкий баланс равновесия, который для одних его героев заканчивался гибелью, для других ее отсрочкой или сумасшествием. М.П. Арцыбашев любит жизнь, но она, как путь к смерти, пугает гнетущим и неизбежным ожиданием. И философия жизни персонажей – это мучительный выбор автора, который он снова и снова делает на страницах своих книг.

Герои рассказов и повестей художника ищут себя: кто в нигилизме (Санин), кто в идеализме (Ланде). Этот поиск сложен: происходит в спорах, тягостных рассуждениях о смысле жизни, которые позволяют героям обрести хрупкую уверенность в завтрашнем дне и наконец, найти свою

правду, которая рождается во внутренних психологических метаниях и в философских диалогах неформального общения героев произведений А.П. Арцыбашева. [Прокопов, с. 6–10]

Самые мучительные переживания героев по главному вопросу жизни, затрагивающему смысл человеческого бытия, происходят во внутренних монологах главных героев. Это именно тот случай, когда человек искренен максимально, он наедине с самим собой, ему не надо надевать жизненную маску, выбирать диалоговые компромиссы, он понимает себя с полуслова, с «полумысли», он непринужден в своем словоизъятии, он не лукавит, не позерствует, не стремится утвердить свое «я» ради какой-либо корысти (карьеры, материальной выгоды, амбиций), у него нет слушателя: он одновременно и создатель, и адресат речи. Уникальная ситуация диалога с самим собой позволяет герою поразмышлять о смысле своего существования, поэтому средства речевого выражения для него не самоцель, он пытается максимально точно выразить ту идею, которая мучает его, – что есть жизнь, что есть смерть, как понять Бога.

В первую минуту ему даже стало как будто легче, но уже в следующее мгновение он пришел в бешенство. «Ну да... комбинация... ничто не ново под солнцем... так... я очень хорошо знаю, что позади меня такая же вечность, как и впереди; значит, я сам теперь – только повторная комбинация... А ведь я ровно ничего не помню о первой комбинации... и выходит, что дело не во мне, а в комбинации!. Как же это?. Ведь я чувствую, как неизмеримо важно то, что я живу, как это мучительно и прекрасно... ведь все, что я вижу, слышу, нюхаю даже, существует для меня только потому, что я вижу, слышу, нюхаю... потому что у меня есть глаза, уши, нос... Значит, я – громаден, я помещаю в себе все и сверх того еще страдаю!. И вдруг комбинация!. О, черт!. Какое мне дело до комбинации, будь она проклята!. Это же нестерпимо... ужасно... быть только повторяющейся, с известным промежутком времени, комбинацией!.» («Смех»)

Хотя внутренняя речь и может невольно прорываться во внешнюю, она возникает случайно, на пике эмоционального возбуждения героя:

– Конечно, я не буду тогда ничего чувствовать! – сердито закричал доктор – громко, на всю комнату. Голос у него был пронзительный.

Фельдшер отворил дверь, посмотрел и затворил. «Бывает так вот: лечит, лечит, да и сам того!..» («Смех»)

Моменты трагизма, депрессии, черной меланхолии преследуют главных героев. Таково состояние внутреннего мира Федора Ивановича Мижужева в повести «Миллионы», речевое обрамление образа которого наполнено черно-серыми красками, словно резко брошенными в сторону судьбы героя: «сам страдал невысказываемой мукой», «сердце пусто», «мертвая грусть тихо ныла в душе», «большая душа», «жить нельзя», «болезненно тяжело», «больно и тоскливо жжалось в груди», «он один – угрюмое пятно, печать одиночества и ненужности» и т. п. Кто рядом с ним, тоже мучаются и страдают. Речь ведущих персонажей немногословна, ее скупость обусловлена этой дымкой грусти, которой наполнено большинство текстов произведений М.П. Арцыбашева, герои хотят быть счастливыми,

но их потуги к светлой стороне жизни тщетны и сводятся только к созерцанию чужого счастья: *Счастливый идиот! – подумал Мижусев, глядя под ноги, и вдруг почувствовал смутную зависть.* («Миллионы»)

И язвительность, и злость персонажей как защитная реакция звучат в большинстве философских (особенно внутренних) монологов, которые рационально отточены, логичны и как будто заряжены строго на один знак «минус». И мир искажается как в кривом зеркале: люди становятся мелкими, уродливыми и ненужными.

Свобода общения, граничащая с неуважением и презрением к людям, пульсирует в голове Федора Ивановича и выражается в риторических внутренних восклицаниях: *«Сколько их... и кто их нарожал!. Зачем!». – брезгливо подумал он. И ему представилось какое-то колоссальное, мутное чрево, вздутое до небес вечной тяготой, из которого, Бог знает зачем, лезут, ползут, сытятся и корчатся на земле миллионы уродцев, никому не нужных, никому не интересных.* («Миллионы»)

Рефлексия внутреннего спонтанного монолога максимально непринужденная, герои говорят то, что чувствуют, что давно лежит тяжким грузом на душе, поэтому им не надо «церемониться», подбирать корректные слова, думать о возможной реакции собеседников, соблюдать приличия. Речь персонажа всегда, даже несмотря на спонтанность ситуации, подготовлена внутренними продолжительными умозаключениями, а также своеобразным диалогом, дебатами с самим собой... С самим собой и с Богом.

Но на мгновение жизнь просыпается в герое, и ему хочется чувствовать радость жизни. Таков абсолютно свободный и ни к чему не обязывающий диалог с генеральской дочкой Нюрочкой, который получается в полной мере непринужденным: *Девушка вдруг закинула голову и зазвенела так беззаботно-весело, что сердце у Мижусева обрадовалось. Ему страшно хотелось, чтобы она еще смеялась, и он стал болтать все, что приходило в голову. И хотя то, что он рассказывал, было очень пустячно, но болтал он с таким неподдельным комизмом, что выходило удивительно смешно. Раскрасневшаяся девушка уже поминутно смеялась, закидывая голову и показывая свой милый подбородок.* («Миллионы»)

Представленная выше ситуация свидетельствует о высоком уровне владения Мижусевым непринужденной коммуникацией. И, как правило, его высказывания всегда заинтересовывают, привлекают своей новизной, тонким изысканным словом, гладкостью, энергичностью, плавностью речи, он всегда в центре внимания (не только из-за своих миллионов) публики, его готовы слушать и подражать ему [Бочарова, с. 99].

Финал многих повестей и рассказов М.П. Арцыбашева трагичен. Герои уходят из жизни... сами, и конец произведения, как конец жизни, – неотвратим. Они, так же, как и автор ищут выход, выход, которого нет. Пока нет...

Не то, не то!. А что же?. – спросил он куда-то внутрь своей молчащей души... («Миллионы»)

Непринужденность речи создается интимностью разговора, повышенной эмоциональной тональностью речи, частыми «сбивками», паузи-

рованием (многогочие) и т.п. Действительно, речь многих персонажей М.П. Арцыбашева сбивчива, неустойчива, спонтанна, герои выходят из «трансвого» состояния внутреннего раздумья, и их устная коммуникация – продолжение большой мыслительной работы, глубокого погружения в себя. И внешняя реализация речи – это кульминация душевной рефлексии, крик отчаяния или трагическая констатация безысходности ситуации.

Но ты думаешь... я знаю... А если это даже так, то ведь... Ты сам хотел этого... Ну, пусть, пусть! – схватившись обеими руками за виски, с отчаянием затараторила Мария Сергеевна. – Но какую цену я заплатила за эти миллионы! Они у меня душу отняли... я научилась презирать себя, как последнюю тварь... и что-нибудь одно: или... Как хочешь, но я не могу больше, не могу. Я... («Миллионы»)

Обилие восклицательных предложений в высказываниях персонажей выступает в оценочных репликах как стилевой прием, подчеркивающий пафосность речи говорящего и передающий крайности человеческой натуры, полной восторга и трагизма. Кроме того, повышенный эмоциональный тон задается особыми речевыми средствами героя: паузами, повторами, наличием стилистически сниженной лексики, утвердительными и усилительными частицами, короткими предложениями и т.п.

– Не отступайте, господин профессор!. Да, я жалкий палач!. Я убиваю!. Это ремесло передал мне мой отец, который унаследовал его от деда!. Мои руки в крови, но убиваю не я, господин профессор!. О, не я!. Убивают глупость и жестокость, с которыми не мне бороться. Они вложили топор в мои руки, и когда под моим ударом падает голова одного из них, я говорю в сердце своем: руби, палач!. Руби, не жалей этих тупых, злых и завистливых животных!. Они сами хотят этого! <...>

– Да, тот самый!. Жюль Мартен!. Светлая, большая голова... и какое сердце, если бы вы знали!. Как он был предан науке, какие возможности крылись в нем!. И эти глупцы, думающие, что они борются за свободу человечества, хотят убить его!. В одной его голове больше свободы, чем во всех их дурацких конвентах и коммунах!. Я предлагал им заточить Жюля в вечную тюрьму, предоставив ему возможность и там работать для науки... они не согласились!. Для торжества свободы им нужна голова Жюля Мартена!. Жалкие и слепые безумцы!... Варвары, слепцы, кретины!. Они убили Архимеда, отравили Сократа!. Они – толпа! («Сильнее смерти»)

Непринужденная коммуникация с повышенным эмотивным фоном в произведениях М.П. Арцыбашева может быть лишена пафоса и нести сугубо сниженный оттенок. Примером тому ситуация общения в рассказе «Счастье», в котором богатый господин со «стеклянными глазами» не церемонится с жалкой больной проституткой, его речь снижена, фамильярна, а спонтанность выражается в паузах неожиданно возникшей дикой мысли: *– Ты вот... разденься догола и стой, я тебя десять раз ударю... по полтиннику за удар, хочешь? <...>*

— Ну... — *задыхающимся от какого-то страшного ощущения голо- сом прохрипел он.— Смотри... выдержишь — пять рублей, не выдержишь, закричишь пошла к черту...*

В качестве средства непринужденной коммуникации автор может вводить в повествование прецедентный текст, который усиливает экзистенциальную идею авторского пессимистического восприятия мира. К примеру, слово «лопух», который будет расти на могиле героя, «лишнего человека» (явная переключка с тургеневским Базаровым).

— *Полно, голубчик! Нельзя так говорить! Нельзя так говорить о том, чего никто не знает. Все мы умрем когда-нибудь, не я, не ты один, а все, и все вместе узнаем, конец ли, лопух ли, как ты сказал, или иная жизнь. Все!* («Смерть Ланде»)

Иной ракурс ситуация непринужденного общения приобретает в рассказе «Бог», это одно из немногих произведений М.П. Арцыбашева, в котором мучительные переживания не выливаются в безысходную интерпретацию мира, свободная речь (особенно в конце рассказа) уравновешена психологической и речевой свободой, и именно эта гармония создает истинную непринужденность речи.

В рассказе «Бог» главные герои – друзья-гимназисты, они собрались для того, чтобы обсудить вопрос, который, пожалуй, впервые так серьёзно затронул сердца подростков, – что ждёт человека после смерти. Семинарист Коцюра пришёл к ним, чтобы высказать своё понимание сущности Бога.

Непринуждённость ситуации определяется неофициальными отношениями между собеседниками, которые по существу являются ещё детьми, и поэтому их общение лишено ритуализированной «взрослой» коммуникации.

В речи гимназистов практически не соблюдаются правила речевого этикета, что указывает на достаточно высокий уровень коммуникативной раскрепощённости собеседников. Насмешливый, фамильярно-пренебрежительный тон, сниженная, просторечно-жаргонная, инвективная лексика создают дополнительные условия естественности и свободы коммуникации в непринуждённом общении. М.П. Арцыбашев метко стилизует художественную речь, внося в нее соответствующие экспрессивные средства: *чёрт его знает, нахвастал; увильнул; куда ему долговязому; где ты там, чёрт, застрял?; ну и вали... нечего мямлить; жарь; не знает, как увильнуть; ловко; дурак* и пр.

Но большинство рассказов М.П. Арцыбашева с непринужденно речью в речевом отношении произносятся свободно, а в психологическом плане есть момент высокого напряжения, пика эмоционального накала, который создает внутренний разлад и как следствие – суицид («Миллионы») или тяжелая болезнь (рассказ «Смех»).

Непринуждённость ситуации неожиданно изменяется с приходом в квартиру Коцюры. Гимназисты начинают чувствовать духовный дискомфорт и скованность в осуществлении вербального взаимодействия. Эта натянутость носит большей частью психологический характер. Долгое ожидание оратора (Коцюры) подготовило внутреннее напряжение

в обстановке. Комната, в которой происходит действие, погружена в синий дым скверных едких папирос.

И, на первый взгляд, естественный развязный тон нужен собеседникам. Он необходим для того, чтобы «быть смелее», увереннее перед прослушиванием выступления о том, Кто представляет собой главную сущность бытия.

Гнетущее состояние гимназистов ещё больше усиливается после того, как в комнату входит Коцюра, *длинный, белый, сухой, как мертвец*. И мотив смерти будет сквозным на протяжении всего рассказа. Характерная деталь – закрытая форточка, создающая болезненное впечатление замкнутости и даже безысходности окружающей обстановки. По мере движения философского повествования Коцюры подавленность духа героев рассказа всё усиливается по мере приближения к кульминации, а многочисленные грубоватые реплики в адрес друг друга раздаются всё реже. Духовная неуверенность и безнадёжность со скованностью движений создают значительные препятствия для эффективного непринуждённого общения, несмотря на бесспорные формальные признаки «непринуждённости»: герои – друзья, близкие по возрасту, общаются в неофициальной обстановке и т. п. Кроме того, тематический (содержательный) фактор может создавать условия, обеспечивающие снижение непринуждённости в коммуникации.

Комната, в которой должно было состояться выступление семинариста, была темной, полной дыма, и непреодолимое ощущение мертвенности царило в ней. (Аналогична ситуация, например, в романе «Санин»: *В комнате становилось уже невыносимо душно. Юрий машинально наблюдал, как водка, блестя на свету лампы, переливалась в тонкие красные губы Иванова, и чувствовал, что все вокруг начинает тихо кружиться и расплываться.*) Тематика высказывания Коцюры была, возможно, сложна для интеллектуально подготовленной, но эмотивно слабой публики. Тяжкий груз неразрешимых и непостижимых проблем, поставленных Коцюрой, оказывает непомерное давление на всех героев рассказа: *Пятого измерения не может быть, и, следовательно, за видимым миром в эту сторону нет уже ничего*. Художественное пространство в рассказе меняет ракурс и будто застывает, ход времени медленно снижает скорость, приостанавливается, а сама философская категория времени становится зыбкой и вязкой.

Поэтому кульминация мрачного виталистского выступления Коцюры вызывает соответствующую реакцию публики: *И слово «ничего», и мёртвый взгляд Коцюры, и мысли, надавившие на мозги, придавили всех. Стало как-то жутко...; Холод прошёл по жилам всех...; Все напряжённо вздохнули*. Окончание речи оратора не изменяет ситуации: *Все казались подавлены и действительно ощущали холодок в сердце и тяжесть в мозгу*. Фактор, который вносит напряжённость и «принуждённость» в исследуемую ситуацию, — направленность темы речи семинариста: загробной жизни нет и не может быть. Причем ситуация не получает разрядки и после того, как Коцюра заканчивает свою речь, а мальчики выходят на улицу. И природа служит подтверждением их

угнетённого, расстроенного состояния: *Дома стояли... чёрные... мёртвыми громадами; Звёзды недосыгаемо далеко сверкали вверху.*

Однако в этом рассказе природа не замыкает безвыходность умо-заключений героев, как, к примеру, в рассказе «Старая история»: *Тьма лежала на плоскогорьях, и туман злобно клубился в их тысячелетних морщинах. Не успели отъехать полверсты, как хуторок совершенно растаял во мраке, только огонек в освещенном окне еще сверкал, но и он скоро мигнул и исчез за поворотом. Должно быть, заехали за деревья.*

Но что же выводит ребят в рассказе «Бог» из состояния «духовной комы» и возвращает к непринуждённому общению? Молодость! Впереди ещё целая жизнь. И брошенный в Коцюру снежок делает даже его мёртвое лицо живым: *Коцюра остановился и, презрительно вытянув своё мёртвое лицо, открыл рот... и белая мягкая звезда неожиданно залепила всю физиономию Коцюры. Коцюра охнул и, неожиданно придя весь в движение, стремительно бросился в атаку.* Механическое состояние отрешённости от мира исчезает, они вновь становятся друзьями, могут шалить, баловаться, свободно общаться, выражать свои мысли и говорить о тех проблемах, которые одинаково понятны и известны всем. Речевая скованность, возникающая в результате тематической направленности общения, получает неожиданную развязку через непринужденную невербальную коммуникацию, которая позволяет снова быть самими собой, живыми и максимально естественными.

Итак, особенности непринужденной коммуникации в творчестве М.П. Арцыбашева определяют особенности его философско-художественной манеры: глубокое проникновение в тайны духовного мира человека, описание раздумий рефлексирющей личности о сущности мира и своем месте в нем. Непринужденная речь персонажей выражается в различных коммуникативных формах. Это и внутренний монолог-размышление о смысле человеческого существования, и внешняя речь – диалог главными героями с людьми, которые соприкасаются с его судьбой. Ситуации общения в повестях и рассказах Михаила Петровича затрагивают глубинные вопросы бытия, поэтому герои его произведений максимально искренни и естественны в общении, они стремятся к полному самовыражению, и непринужденная коммуникация помогает им быть честными до конца, если не перед людьми, то хотя бы перед собой.

Литература

Прокопов Т. Ф. Жизни и смерти Михаила Арцыбашева // *Арцыбашев М.П.* Собр. соч.: в 3 т. Т. 1: У последней черты : роман; повести и рассказы. М., 1994.

Бочарова Т.И. Специфика непринужденности в жанре поздравления// Записки горного института. Риторика в системе коммуникативных дисциплин / Санкт-Петербургский государственный горный институт (технический университет). СПб., 2005. Т. 160. Ч. 1.